

## АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА И ДУХОВНАЯ ШКОЛА: РЕФОРМА 1808–1814 гг.\*

*Аннотация.* Статья посвящена важному этапу в истории духовного образования в России – реформе 1808–1814 гг. Главными результатами этой реформы стала целостная стабильно действующая духовно-учебная система, включенная в единое научно-образовательное пространство России, а также особый тип высшей школы – духовная академия, сочетающий богословское и классически-гуманитарное образование. Автор анализирует особенности развития российской духовной школы, предпосылки, исторический контекст, основные идеи и последствия проведенной реформы.

*Ключевые слова:* российское духовное образование, православные духовные академии, реформа.

Статья посвящена важному этапу в истории духовного образования в России – подготовке и проведению реформы 1808–1814 гг. Эта реформа создала в Российской империи из сети разрозненных епархиальных духовных школ единую централизованную систему, которая, претерпевая некоторые метаморфозы, действовала вплоть до 1917 г. В целом реформа 1808–1814 гг. оценивалась положительно и ее современниками, и последующими поколениями деятелей духовного образования [1, 124; 2; 3; 4; 5; 6; 4; 8; 9]. В современной историографии роль «александровской» духовно-учебной реформы также ставится достаточно высоко [10, 128-147; 11, 418-426; 12; 13]. Однако более внимательное изучение документов, связанных с разработкой и проведением этой реформы, а также с адаптацией ее результатов в жизни высшей духовной школы, показывает, что ситуация не была столь однозначной. Реформационный процесс начала XIX в., решив многие проблемы, выявил новые, более сложные. Еще более важно то, что проведение этой реформы поставило серьезные вопросы, связанные с местом духовной школы в жизни Церкви, с научным богословием и его значением в системе наук в целом. Для понимания и изучения этих вопросов требуется обращение к источникам, а также учет особенностей развития российской духовной школы, исторического контекста и последствий проведенной реформы.

К началу XIX в. православная российская церковь имела сеть духовных школ, включавшую 4 академии, 35 семинарий и 76 низших училищ,

с 29 000 учащихся [14, 14]. Усилия церковной и государственной власти, епископата, ревнителей духовного образования привели к тому, что практически в каждой из 36 епархий, существовавших к 1808 г., были духовные школы, так или иначе решавшие задачу подготовки приходского духовенства. Особое внимание следует обратить на академии. Они располагались в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и Казани. Самая старая из этих школ – киевская – вела свою историю еще от братской школы (1615), была преобразована митрополитом Петром Могиллой по принципам иезуитских коллегий. Две первые школы получили статус академии в 1701 г.; две последние – в 1797 г. [15, 644; 20, 80; 16, 173-174; 17, 821]. Но, несмотря на свое значение в истории российской духовной школы, они не были специальными высшими школами, ибо имели в своем составе все классы, начиная с младших. Указ 11 января 1798 г. предъявил к академиям определенные требования в учебном и организационном отношении, а также наметил «академические округа», прикрепляя к академиям семинарии [18]. Но, так как при этом в академиях сохранялся полный состав классов с соответствующими задачами и проблемами, принципиальных изменений провести не удалось. Эти школы и российское духовное образование в целом за XVIII в. достигли определенных успехов, но их деятельность была отягощена многими проблемами, требующими разрешения.

Прежде всего, серьезные проблемы были связаны с духовно-учебным процессом, что к началу XIX в. ощущалось особенно остро. Западные школьные традиции, введенные в русское духовное образование в XVII–XVIII вв., к началу XIX в. уже претерпели неоднократные изменения, но даже после всех обновлений и усовершенствований они не удовлетворяли современным образовательным запросам. Богословие к этому времени понималось как профильный предмет духовной школы, но уровень его преподавания в большинстве духовных школ был невысок. Некоторым школам, преимущественно в центральных епархиях, усилиями ревностных архиереев и талантливых преподавателей удавалось усилить богословский класс, и выпускники этих школ вносили свой вклад в духовное просвещение. Но их было немного, и при таком положении все попытки повысить уровень богословского просвещения в целом имели незначительные результаты. Рассудочные пост-

\* © Сухова Н.Ю.

роения, диалектика и риторический схематизм – обязательные атрибуты средневековой школы, к концу XVIII в. уже не составляли основы учебного процесса, но не позволяли сделать новые научные методы определяющими [19, 171; 20, 314-315; 2, 76-77; 21, 733-739, 769-775]. Формальное направление обучения, выражавшееся и в составе предметов, и в изучаемых богословских системах, и в методах обучения, становилось серьезным тормозом развития духовной школы. Приоритет философско-словесного направления сформировал в духовной школе особую систему мышления, которую трудно было, с одной стороны, изменить в направлении научно-критическом, с другой стороны, приблизить к реальному церковному служению, предстоящему выпускникам. Засилье формальных наук постарались преодолеть введением в учебные планы духовных школ наук «положительного знания» – истории, физики, географии. Отчасти это удалось, но привело к двум проблемам: не поставленные в органическую связь с богословием, эти предметы перегружали учебные планы, не получив в духовной школе серьезной постановки, они не могли давать основательных знаний [21, 693-700, 713-724, 759-764].

Специальное духовное образование XVIII в. не отвечало удовлетворительно запросам, предъявляемым к нему церковной жизнью. В духовных школах XVIII в. богословие составляло старший класс, и большинство учащихся не доходило до этого класса, завершая свое образование риторским или философским классом. Таким образом, ставленники на священнические места не получали систематического богословского образования.

Латинский язык, сохраняемый в русских академиях и семинариях в качестве языка преподавания, открывал учащимся доступ к западному богословию и другим наукам, но разделял духовную ученость с церковным приходским служением. Это разделение не позволяло, с одной стороны, строить образование более реально и целенаправленно, с другой стороны, лишало духовную ученость живительной «подпитки» реальными церковными проблемами. Латиноязычное богословие, прочно вошедшее в учебный процесс, задерживало формирование русского богословского понятийного аппарата, создание русской богословской литературы [21, 719-732; 22, 279-280, 310, 340-341]. Духовно-учебный процесс был слабо оснащен учебными пособиями, отвечающими современному уровню. Так как большая часть богословских источников была недоступна для российских духовно-учебных деятелей, преодолеть зависимость от тех или иных западных авторов было практически невозможно [21, 741-745; 10, 82-127].

В течение XVIII в. определилась сословная замкнутость духовных школ, имевшая два следс-

твия: состав учащихся ограничивался «духовным юношеством», то есть, детьми священно- и церковнослужителей, а совершенствование общего образования в духовных школах приходилось осуществлять внутренними силами. Высшие классы духовных школ, по крайней мере, наиболее развитых, должны были готовить преподавателей по всем предметам, что при низком уровне преподавания этих наук в духовных школах было весьма сложно. Задача приготовления учителей делается одной из важнейших в духовно-учебной жизни, заботящей не только епархиальное, но и высшее начальство [2, 80-84; 20, 261-269, 373-377; 21, 665-713].

Одной из специфических черт русского богословия было его особое положение в отечественной научно-образовательной системе. Российская Академия наук и художеств, учрежденная в 1724-1725 гг., не имела богословского отделения, а первый стабильно действующий российский университет – Московский – не имел теологического факультета. Это не было свидетельством отчуждения богословия от системы наук и образования: напротив, государственная власть обращала особое внимание на развитие научного и учебного богословия. Но основу корпораций Академии наук и университета на раннем этапе составляли иностранные иноконфессиональные профессора. Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, желало, тем не менее, оградить православное богословское образование от инославных влияний. Поэтому было решено стимулировать его самостоятельное развитие под попечением православной церкви, в виде особых епархиальных духовных школ [23, 115; 24, 329-330]. Однако вопрос об отношении богословия к другим наукам, месте и значении его в системе просвещения требовали осмысления и уточнения. К его обсуждению предполагалось вернуться в дальнейшем, на более высоком уровне развития образовательной системы и накопив опыт в построении самостоятельных богословских учебных курсов.

К началу XIX в. стало ясно, что существенные сдвиги в образовании духовенства и развитие русского богословия возможны лишь при условии централизации духовно-учебной системы, а для ее осуществления требовалась радикальная реформа. Высказывались и определенные опасения, связанные с централизацией – неизбежная универсализация, потеря местной специфики. Но если для подготовки духовенства и духовно-учебных кадров местная специфика была важна, то богословская наука явно не могла развиваться в тесной епархиальной сфере. Эта радикальная реформа была проведена в эпоху Александра I. В ее разработке и проведении проявилась особен-

ность положения российской духовной школы: с одной стороны, она входила в общее учебно-научное пространство и должна была отвечать его принципам, с другой стороны, имела особые задачи, что требовало некоторой свободы для их решения, позволяющей строить учебно-воспитательный процесс согласно особым принципам. Специфика богословия как науки в эти годы не была предметом специального обсуждения и осмысления, но многими делателями духовной школы имелась в виду.

Общим направлением реформа 1808–1814 гг. соответствовала реформе светского образования, проведенной в 1803–1804 гг. – централизованная система, объединение школ в учебные округа, выделение в учебной системе последовательных и соподчиненных ступеней (§163, 165, 169) [25, 586–587]. Начало духовно-учебной реформы было положено указом императора от 29 ноября 1807 г. о создании особого *Комитета о усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства* (далее *Комитет*) [14, 1]. Эти две задачи нельзя было разделить: для того, чтобы выпускники духовной школы могли заниматься духовным просвещением, их необходимо было обеспечить материально. Созыву Комитета предшествовала двухлетняя работа по составлению начального проекта реформы викарным епископом Санкт-Петербургской епархии Евгением (Болховитиновым). Проект был составлен по официальному указанию митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), с учетом проектов, присланных архиереями «академических» городов [26, 525–541]. В Комитет вошли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов), статс-секретарь М. М. Сперанский, обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, императорский духовник протопресвитер Сергей Краснопевков (он участвовал лишь в первых заседаниях Комитета, ибо вскоре умер) и обер-священник военного духовенства Иоанн Державин. Перед Комитетом стояли три основные задачи: 1) рассмотрение проекта епископа Евгения; 2) расчет суммы, необходимой на его осуществление и на обеспечение жалованием приходского духовенства; 3) определение путей накопления этой суммы [14, 1–2 об.]. Плодом годовых занятий Комитета, со дня его основания до июня 1808 г., явились итоговые документы – доклад и «Начертание правил о образовании духовных училищ и о содержании духовенства при церквях», – в которых были сформулированы идеи, давшие основание коренному преобразованию всей системы духовного образования в России.

Вопрос об авторстве основных идей реформы 1808–1814 гг. не решен. Текст итогового документа

да был составлен М.М. Сперанским. Проект, представленный в докладе, значительно отличался от проекта епископа Евгения (в частности, существенно был расширен состав учебных предметов – введена гражданская история, церковные древности, география, история философии, расширена математика). Высказывалась версия использования в докладе проекта, составленного в 1801–1802 гг. архиепископом Анастасием (Братановским). Некоторые идеи проекта Комитета в историографии сравнивались не только с проведенной в России в 1804 г. университетской реформой, но и с Наполеоновской образовательной реформой 1806 г., учредившей *Université de France* [27, 90; 28, 31–32; 10, 143].

Анализ проблем духовного образования привел Комитет к установлению двух основных принципов реформы [14, 1 об. – 2, 55–60]: 1) организация духовных школ в единую систему, с особым высшим управлением, разделением на несколько соподчиненных ступеней, устремленных к главным центрам, и единообразием учебного строя; 2) соответствие всех предметов духовных школ задаче *богословского* учения – само богословие «во всех его отделениях»; древняя история, особенно священная и Церкви; лучшие образцы духовной словесности; языки древние, славянский и славяно-русский [14, 54 об. – 55 об., 3–6 об., 7 об.]. Было решено оставить в преобразованной системе 4 уже сложившиеся центра духовно-учебных округов – академии, 36 семинарий (епархиальных училищ), по 10 уездных и 30 приходских училищ в каждой епархии, как высшую норму. По размерам материального содержания епархии разделялись на три разряда, согласно дороговизне жизни [14, 14–14 об.].

Комитет настаивал в своем проекте на полной автономности духовно-учебной системы: свое управление, общеобразовательная подготовка, система подготовки преподавателей. Приводились аргументы: особые задачи духовной школы, специфика самого «предмета занятий», особенность изучаемых наук, «духовному званию нужных», требующих особого настроения и воспитания; необходимость давать льготное образование детям уже сложившегося духовного сословия [14, 55–59]. Однако в планы Комитета вовсе не входило усиливать замкнутость духовного сословия: хотя в ведении низших духовных училищ состояли все дети священно- и церковнослужителей, и родители обязаны были дать им определенный уровень образования, у выпускников семинарий и академий была возможность уволиться в гражданскую службу. В заседаниях Комитета особо было отмечено, что «когда все сие будет устроено к приведению в действие, тогда разрешать детям священно- и церковнослужителей *избирать и другие*

состояния» [14, 2]. Но таким образом, духовное образование, в отличие от профессионального гражданского образования, опирающегося на общеобразовательные школы Министерства народного просвещения, должно было по-прежнему заботиться самостоятельно о подготовке преподавателей по всем предметам. Некоторое обоснование этому было: преподаватели, сами получившие образование в духовной школе, могли более глубоко понять задачи и проблемы духовного образования и воплотить это понимание в своей деятельности. Кроме того, даже общее образование в духовных школах должно было вырабатывать в учащемся истинное понимание о взаимосвязи богословия с другими науками, а не его секуляризованный вариант, перешедший в российские университеты из европейских университетов нового времени.

Одной из главных тем в обсуждениях Комитета была богословская наука. По составленному плану ее развитием должна была заниматься проектируемая высшая духовная школа – четыре духовные академии. Таким образом, духовное образование и богословская «ученость» должны были в академиях неразрывно соединиться [14, 59 об. - 60]. Попытка соединения в одном учреждении научных исследований и подготовки научных кадров предпринималась еще в первой половине XVIII в., при учреждении Академии наук и художеств. В состав Академии был включен университет, и члены Академии были обязаны преподавать. Реализация проекта показала его нежизнеспособность: акцент был смещен в сторону науки, а академический университет действовал слабо и в 1760 г. был окончательно закрыт [29; 30]. В случае духовных академий в начале XIX в. была надежда на более благоприятный результат: русское духовное юношество показало себя за XVIII в. как наиболее способное к обучению, и уже имелся определенный опыт. При этом административное устройство новых академий должно было представлять синтез идей университетского Устава 1804 г. и Устава Академии наук. Каждая из четырех духовных академий должна была стать академией духовных наук, с активно действующим учебным институтом для подготовки научных кадров и педагогического обеспечения средних профильных школ.

Реформа, официально закрепив соединение богословской науки с духовной школой и относительную самостоятельность последней, утвердила и особое положение российского богословия в общей системе наук. Это положение не отделяло богословов от общей научной среды, но вопрос о месте богословия в системе человеческого знания оставался открытым.

В 1809 г. членами КДУ М.М. Сперанским и архиепископом Феофилактом (Русановым) был

составлен проект Устава духовных училищ, включавший в себя общие положения по устройству всей духовно-учебной системы и уставы всех ее ступеней. После проверки на практике проект планировали доработать и тогда уже утвердить окончательно. Недостаток средств, преподавательских и студенческих кадров для новых академий определил постепенное проведение реформы. Начать решили лишь с одной академии и ее учебного округа – столичной. Первый курс преобразованной по новому Уставу СПбДА учили общими усилиями пять лет. В 1814 г. проект Устава духовных училищ во всех его частях подвергся окончательной редакции и 30 августа был утвержден [31]. В этом же году по новому Уставу был преобразован Московский духовно-учебный округ, с академией, переведенной в Троице-Сергиеву Лавру. В 1817 г. был преобразован Киевский округ, Киевская же академия, сочтенная не готовой к новой деятельности, пребывала два года в семинарском статусе и в 1819 г. получила статус академии. В 1818 г. новое устройство получили средние и низшие духовные школы Казанского округа, отданные в управление МДА. Окончательно реформа реализовалась лишь в 1842 г. преобразованием Казанской академии.

Для священного служения требовалось теперь получение семинарского образования, то есть именно семинарии становились школой подготовки духовенства – духовной школой в прямом смысле слова. Но сочетание в одних стенах двух направлений: профессионального образования духовенства и льготного образования детей духовного сословия предвещало в дальнейшем серьезные проблемы.

В целом реформа была проведена более или менее успешно – централизованная духовно-учебная система была построена. Можно было ожидать, что постепенно все ее ступени, в том числе академии, будут успешно выполнять возложенные на них задачи. Отчасти это происходило. Однако дальнейшая деятельность духовных академий в условиях Устава 1814 г. выявила много проблем, которые свидетельствовали о «теоретичности» составленного Устава, неисполнимости некоторых его положений в реальных условиях. Реформированные духовные академии, по замыслу Комитета 1808 г., представляли собой совершенно новое учреждение, с особыми задачами, надстраиваемое над дореформенной школой. Комитет об усовершенствовании духовных училищ 1808 г. определил «троякий предмет установления духовных академий»: «1) образование духовного юношества к высшим должностям»; 2) распространение и поощрение учености в духовенстве; 3) управление духовных училищ, Академии подчиненных» (§ 79) [32, 389]. Подготовка учителей – одна из главных проблем духовных школ XVIII в. – не была упомя-

нута особо, но Комитет указывал, что выпускники академий будут заполнять вакансии профессоров как академий, так и семинарий, то есть профессорство входило в число «высших должностей» [14, 7 об.]. Такой широкий спектр задач решался с большим трудом. В результате самые глубокие из этих проблем – развитие богословской науки и поощрение учености в духовенстве – оставались затронутыми лишь отчасти.

Таким образом, главным результатом реформы 1808-1814 гг. было построение целостной системы духовного образования, параллельной системе «гражданского» образования, со своим собственным управлением, иерархическим соподчинением и строгим преемством четырех ступеней. Разделение духовного образования на ступени дало возможность каждой ступени сосредоточиться на решении своих особых задач, что, в свою очередь, обеспечило регулярную подготовку образованного духовенства, духовно-учебных кадров, а также открыло перспективы научного развития богословия. Несмотря на свою радикальность, реформа 1808-1814 гг. не уничтожила существующую до нее духовную школу – преемство было, более того, достижения дореформенной школы были осмыслены и систематизированы.

В процессе реализации реформы 1808-1814 гг. был создан особый тип высшей духовной школы, сочетающий богословское и классически-гуманитарное образование. Переход преподавания в духовной школе на русский язык способствовал развитию русской богословской терминологии и постепенному отходу от схоластических систем. Изучение Священного Писания, систематический перевод на русский язык святоотеческих творений, начавшаяся разработка исторических и литературных источников сформировали особую духовную «ученость», укрепили связь с восточно-христианским наследием. Самостоятельные научно-богословские исследования, хотя и не дали ожидаемых результатов, все же получили в духовных академиях основание, наметились пути их развития, появились идеи, которые требовали апробации.

Самостоятельность духовно-учебной системы не вытесняла духовное образование и богословскую науку из единого российского научно-образовательного пространства. И после реформы 1808-1814 гг. выпускники и представители корпораций духовных академий призывались к решению проблем, не имевших непосредственного отношения к церковной жизни. Определенное значение имел и обратный процесс: привлечение представителей небогословских наук к преподаванию в духовной школе. Но задача более четкого соотношения уровней образования и научной компетентности духовно-учебной и университетской

систем была достаточно актуальной и подразумевала дальнейшее решение. Реформа в большей или меньшей степени решала проблемы духовного образования, определившиеся в XVIII в., но выявила новые, более тонкие проблемы, решение которых требовало глубокого понимания сущности духовного образования. «Энциклопедизм» духовного образования, определенный Уставом 1814 г., давал основание и богословской мысли, и всем церковным служениям, к которым готовила духовная школа, но широта оставляла слишком мало места конкретности. В течение действия Устава 1814 г. эта проблема лишь наметилась, но в перспективе она подразумевала новые этапы совершенствования, выработку большего разнообразия и в типах богословского образования, и в подходах к его реализации.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.) / Сост. А. Н. Львов. – СПб., 1900.
2. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857.
3. Аскоменский В.И. История Киевской духовной академии. – Киев, 1863.
4. Певницкий В.Ф. О судьбах богословской науки в нашем отечестве // Труды Киевской духовной академии. – 1869, № 11/12. – С. 139-219.
5. Прилежаев Е.М. Царствование Александра I в истории русской духовной школы // Христианское чтение. – 1878, №1/2. – С. 253-275.
6. Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. – Казань, 1878.
7. Титов Ф.И., прот. Преобразования духовных академий в России в XIX веке // Труды Киевской духовной академии. – 1906. № 4. – С. 1-24.
8. Титлинов Б.В. Комитет духовных училищ 1807–1808 гг. и училищные уставы // Христианское чтение. – 1908. № 3. – С. 422-447.
9. Богословский М.М. Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии // Богословский вестник. – 1917. Т. II. № 10/11/12. – С. 356-384.
10. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991 [репринт издания: Париж, 1937].
11. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 ч. Ч. 1. – М., 1996.
12. Вишленкова Е.А. Духовная школа России первой четверти XIX века. – Казань, 1998.
13. Федоров В.А. Духовное образование в Русской Православной Церкви в XIX в. // Педагогика. – 2000. № 5. – С. 75-83.
14. Журналы Комитета о усовершенствовании Духовных Училищ 1807 и 1808 гг. // РГИА, ф. 802, оп. 17, д. 1.
15. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. – Казань, 1914.
16. Грамота преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому от 26 сентября 1701 г. // 1 ПСЗ. Т. IV. № 1870. – СПб., 1830. – С. 173-174.

17. Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани // 1 ПСЗ. Т. XXIV. № 18273. – СПб., 1830. – С. 821-823.
18. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях // 1 ПСЗ. Т. XXV. № 18726. – СПб., 1830. – С. 426-431.
19. Макарий (Булгаков), иером. История Киевской духовной академии. – СПб., 1843.
20. Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855.
21. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – СПб., 2001.
22. Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. – М., 1867.
23. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. Т. 1. – М., 2002.
24. Сухова Н.Ю. Богословские науки в российских университетах – традиция и перспективы // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 326-344.
25. Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав Императорского Московского университета // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. № 21498. – СПб., 1830. – С. 570-589.
26. Полетаев Н.И. К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. – 1889, № 8. – С. 514–541.
27. Глубоковский Н.Н. Начало организованной духовной школы // Богословский вестник. – 1917, Т. II, № 6/7. – С. 75-92.
28. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX веке: В 2 т. Т. 1. – Вильно, 1908. – 385 с.
29. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб., 1870. – 775 с.
30. Толстой Д.А. Академический Университет в XVIII в., по рукописным документам Архива Академии наук. – СПб., 1885. – 114 с.
31. Устав православных духовных училищ, Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXII. № 25673. – СПб., 1830. – С. 910-954.
32. О усовершенствовании Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства. Именной указ императора Александра I от 26 июня 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXX. № 23122. – СПб., 1830. – С. 368-395.

N. Sukhova

#### EPOCH OF ALEXANDER AND ECCLESIASTICAL REFORM OF 1808–1814

*Abstract.* The article is devoted to the important stage in a history of ecclesiastical education in Russia — reform 1808—1814. The main results of this reform: complete stably working ecclesiastical-educational system included in uniform scientific-educational space of Russia, and also special type of a higher school –ecclesiastical academy combining theological and classical-arts education. The author analyzes features of development of the Russian spiritual school, preconditions, historical context, basic ideas and consequences of the carried out reform.

*Key words:* the Russian ecclesiastical education, orthodox ecclesiastical academies, reform.

УДК 355(470) «1812»

Джесюпов Э.С.

## ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА\*

*Аннотация.* В статье рассматриваются история национальных воинских формирований в Русской армии. Особенности их формирования, вопросы вооружения, структуры, обучения военному делу. Национальные воинские формирования в данной статье представлены башкирами и калмыками, которые несли военную службу в русской армии на протяжении длительного времени, а в Отечественной войне 1812 г. были наиболее массовым явлением среди инородцев, сформировавших свои полки для борьбы с наполеоновской Францией.

*Ключевые слова:* национальные воинские

формирования, башкиры, калмыки, иррегулярная кавалерия.

Первая четверть XIX в. – наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории нашего государства. Центральным событием этой эпохи, безусловно, является Отечественная война 1812 года. Это первая война за национальный суверенитет, получившая в отечественной истории определение Отечественной войны.

«Победам 1812-1814 гг. предшествовал целый ряд войн, в которых русские войска, при всех их высоких качествах, не могли остановить

\* © Джесюпов Э.С.